

Инга Ильм

Актриса, телеведущая, историк искусств.
Автор научно-популярных книг. Лауреат премии «Бродский
на Искье»

Инга Ильм. Фото из спектакля Московского драматического театра им. А. С. Пушкина «Великий Гетсби». 1993 г.

1 декабря очень рано утром у меня всегда раздавался телефонный звонок. Звонил Димка и начинал на меня орать. Ругал на чем свет стоит! И я всегда сначала терялась, потом расстраивалась, а потом соображала: у него же сегодня день рождения! И, конечно, я об этом совсем забыла! Или просто еще не вспомнила! И, конечно, подарок ему не приготовила! Но я собиралась! И несмотря на то, что это шоу повторялось из года в год почти тридцать лет, я всякий раз попадалась. Наконец, твердо решила — все! хватит! больше меня не проведешь! Сразу после разговора я поставила себе будильник на первое декабря, на шесть утра, и похихикала. На этот раз я разбужу его сама! Будет знать! Я не успела его удивить.

О! Дима был очень талантливый шутник! И умудрялся до последнего сохранять серьез. Он прекрасно владел импровизацией, — как говорят на театре. За годы, проведенные вместе в кадре, я никогда не могла точно определить: он специально уронил очки? опрокинул чашку? оговорился? Иногда я даже с ним спорила — не верила, что придумал и сыграл. Впрочем, мы просто обожали спорить. По любому поводу. И особенно в моменты создания нашей телевизионной программы. У нас однажды монтажер на рабочем месте зарыдал. Мы над его головой так разругались, что человек искренне расстроился: думал, пропала передача! С тех пор мы несколько лет работали все вместе. Мы ему объяснили — у нас так рождается истина. И еще несколько часов подряд запальчиво рассказывали ему, что такое театр. С того дня он нас хорошо понимал. Понимал, почему вот так важно: какой кадр сменит сейчас другой на экране. И ведь при всех этих страстях мы никогда не обижались друг на друга! Ну, могли надуться и десять минут не разговаривать. Откуда такая точность? Семь минут — это одна сигаретка. Две — чтобы ее свернуть. Димка курил самокрутки. Он считал, что это его личное гениальное изобретение. «Понимаешь, пока достану, пока сверну... Для начала ведь еще и подумаю об этом! Иногда может просто лень станет. Так что курю теперь меньше». Я напомнила ему об этом разговоре, когда через год, на скорости сто двадцать, придерживая коленом руль, он за секунды смастерил себе сигаретку. Не удивлюсь, если исполнял подобное и на мотоцикле. Впрочем, он шикарно водил и то, и другое. С ним никогда не было страшно. Нигде и никогда. Он всегда знал, что делать даже в самой крайней ситуации.

Кадр из программы «Не верю». ТВЦ. 2000 г

Как мы вообще познакомились? У нас были разные версии. Мы разыгрывали их в качестве сценок в каких-нибудь гостях. А на самом деле — в спорткомплексе «Олимпийский». Там у студентов театральных училищ проходили занятия по физкультуре. В 90-м году я была заморожена прыжками в воду, но, чтобы исполнять всякие акробатические элементы в воздухе, нужно было перво-наперво серьезно отработать их в зале. Сальто сначала делали на матах — со страховкой, а потом ты пробовал свои силы и у «ямы». Ямой называли глубокий квадратный «сухой бассейн» — набитый специальными обрезками поролона под завязку. У него собирались лучшие из лучших. Приходили и многие уже известные артисты: так, Алексей Серебряков и Дмитрий Певцов отработывали свои пластические этюды для спектакля «Федра», например. А еще в какой-то момент там сложилась веселая компания ребят из Щуки. Как оказалось, они готовили свой нашумевший спектакль «Город мышей», который потом не только приведет в восторг все студенчество, но и объедет чуть ли не весь мир, побывает на лучших театральных фестивалях. Дима был самый заметный!

Яркий, громкий, смешной, хулиганистый. И у него очень здорово получались даже самые сложные штуки, потому я с удовольствием смотрела за тем, что у него и как. Ну уж сделать сальто вперед было для него так же естественно, как для всякого чуть подпрыгнуть на месте. Видела я и с каким уважением к нему относятся все вокруг «ямы». И однажды даже спросила: кто он? «Ты что, „Выше радуги“ не смотрела?!» Я не смотрела. «А „Дорогую Елену Сергеевну“? Рязановский фильм?» Я отрицательно покачала головой и получила общественное порицание. Я совсем не представляла себе, кто он такой. Мне просто нравилось то, что он делал. И Дима говорил, что познакомились мы в спортивном зале. А я говорила, что в спортивном зале никогда его не видела. Потому что вспоминать о том эпизоде мне совсем не нравилось. Во время очередного кульбита я разбила себе коленями нос и губы. В мясо. А если учесть, что в тот момент я снималась и мне чуть ли не завтра в кадр, мое расстройство не знало границ. И больно, и ужасно, и стыдно! На глазах тех, у кого все получается! Он первым оказался тогда рядом, чтобы помочь — подбежал и присел осмотреть травму. Я же вскочила и пулей вылетела из зала. «Холодное мокрое полотенце к лицу приложи! Живо!» — донеслось мне вслед. Это был очень ценный совет. Я-то собиралась спрятаться в раздевалке и как следует поплакать.

И потом мы встречались уже постоянно — на премьерах, во время показов, в театральных буфетах. Мы сним вообще раз сто знакомились. Однажды уже просто расхохотались — после очередного обмена церемонными поклонами. «Это у нас которое знакомство по счету?» И потом уже просто здоровались, перебрасывались парой фраз. Но как-то вечером его притащил ко мне в дом наш общий старинный приятель. Они оба теперь уже работали в «Ленкоме» и после спектакля «Юнона и Авось» закатились с восторженными зрительницами ко мне.

Таганка. После спектакля. Дмитрий Марьянов и Алексей Шадхин — артисты театра Ленком. 1994 г.

В те времена в Москве еще не было круглосуточных ресторанов, не существовало культуры ночных клубов. Были известные квартиры, в которых без предупреждения собирались большие и красивые компании. Мои соседи, хоть и были воспитаны «Балетом Тодес», артисты которого снимали квартиру до меня, но требовали хотя бы минимального почтения, потому после полуночи шуметь было можно, но не очень. Так у меня собирались для тихих забав — чтобы поиграть в карты или поболтать о судьбах искусства. Вот тогда мы просидели до самого утра. Димка распустил свой павлиний хвост

и выступал теперь сразу перед пятью очарованными дамами. Он был прекрасный рассказчик! К тому же в поворотные моменты своих историй он обычно вскакивал и пересказывал все в лицах. И главное — талантливо. Мы хохотали до упаду! Ну точно герой лучшего из всех возможных мультфильмов. И тогда проныра Купидон вновь натянул для него свою тетиву и вновь пустил стрелу. Как всегда, не промахнулся. С одной из прелестниц Дима уехал.

После того вечера он начал часто бывать у меня. Нам понравилось вместе играть в преферанс. Потом нашу компанию на несколько лет захватят сражения в «Heroes of Might and Magic II». Но и компьютерная игра, и карточная — это ведь не больше чем на четырех участников. Мы любили и большие компании, мы поняли — нам здорово дурачиться вместе. Потому придумывали всякие штуки. Например, устроили праздник, когда я заболела ангиной. Какая-то обидная, детская болезнь! Накупили мороженого — целую коробку, где-то раздобыли фильмоскоп и диафильмы, призвали друзей и... «Диафильм-пати» была надолго прославлена. Кстати, на следующий же день, после десятка вафельных стаканчиков, я выздоровела.

Постоянно отмечали пятницы тринадцатого. Наш праздник не имел ничего общего с мифом о дне неприятностей. Напротив. Однажды в пятницу тринадцатого из больницы выписали мою подругу. И хотя она была еще очень слаба и могла пока только лежать на диване и тихонько улыбаться, это было действительно радостное событие! Мы решили отпраздновать его как День радости жизни. Этот день просто пришелся на пятницу тринадцатого, и с тех пор много лет я устраивала всякий раз вечеринки. Одна из них получилась особенно запоминающейся. Мы сняли бассейн. Гостям объявили только адрес. А в качестве входного билета потребовали принести плавки или купальник. Ну и бутылочку чего-то горячительного. Если про бутылочку не забыл никто, то вот в купальный костюм никто (посреди зимы) не поверил. Дисциплинированными оказались только три человека, одного из которых я не знала, но он был при плавках и надувном матрасе, на котором и провел весь вечер, покачиваясь на воде. А еще двое — Димка и его близкий друг Миша Шевчук, оба настоящие акробаты, захватили ныртельную вышку с площадками на три и пять метров. Во избежание неприятностей служители бассейна лестницу к вышке убрали. Но это стало отдельным

развлечением — смотреть, как ребята туда залезали. И все это было настоящее шоу! Прыжок с места, прыжок с разбега... ласточки, сальто вперед и назад, винты — чего они только не продемонстрировали нам на радость! И то, что они делали, было так заразительно, что потом уже купались все! Прямо в одежде.

А еще мы обожали играть в «Крокодил». Самые непредсказуемые компании и самые захватывающие соревнования проходили у Данилы Спиваковского. У него мы по-настоящему шумели! У нас была любимая игра — когда ведущему загадывают слово, которое он должен изобразить. Чья команда первая его назовет, та и получает выигрышное очко. Но вскоре правила игры усложнились, мы начали загадывать только названия фильмов, и в памяти, думаю, у каждого из участников остались наиболее блистательные показы. И ведь мы не просто баловались, не просто пили, пели, танцевали или устраивали сеансы сценического боя. Мы много рассуждали о разнице наших школ, о режиссерских и актерских подходах, размышляли о будущем театра.

В 90-х годах театральная ситуация была крайне плачевна. В Москве осталось, наверное, только три драматических, которые собирали публику. Другие труппы работали при полупустых залах. Видеть такое положение дел было невыносимо. Конечно, люди были обеспокоены в первую очередь своим выживанием. И все же театр как искусство был востребован миром всегда. Не он ли помогал человеку искать ответы на многие вопросы?

Кадр из программы «Не верю». ТВЦ. 1997 г.

Однажды под Новый год мы с Димой оставили наши машины и теперь должны были попробовать добраться в гости. Еще на выходе из театра опять затеяли жутчайший спор во славу Мельпомены. Опомнились уже на совершенно пустой улице. Новый год! Все жители города давно хлопотали по домам, готовили праздничные столы, прятали подарки, поправляли игрушки на елках. И только мы стояли на морозце и выкрикивали друг другу горячительное: «кто виноват». Наконец-то нам повезло, показалась машина... правда, это была машина «скорой помощи». Мы бросились под колеса и уговорили, прямо-таки умолили отвезти нас совсем в другую сторону, а не в парк, куда собирался водитель. Чуть отогревшись, мы тотчас решили и «что делать»! Как оказать миру помощь — мы спасем театр! Надо снимать телевизионную программу! Надо рассказывать о нем совсем не так, как зритель к этому привык. Никаких глубокомысленных сентенций, наставлений! Мы как артисты, как его служители, как люди, глубоко уважающие этот труд, именно мы и сможем рассказать про храм искусств по-другому, по-нашему — по-настоящему. Только мы и сможем дать представление о том, что же это за невероятный организм. Никакой пыли! Театр — изнутри! А в качестве рассказа о спектакле мы должны собирать красивые видеоклипы, под музыку. Раскрывать настроение, тему произведения, задачи, которые поставил перед собой режиссер. И мы всегда считали, что именно мы спасли театр.

Теперь так, как мы придумали, принято рекламировать любое шоу. Но тогда, в девяностые, всякий сюжет о премьере выглядел как новостийный. Поверх картинки первых секунд представления шел сухой закадровый текст, в который были заключены перебивки на интервью. Мы же придумали, например, «снимать клип-супер-клип» на арию Иуды, из спектакля Театра Моссовета «Иисус Христос — суперзвезда», а после спрашивать в буфете, что этот артист обычно ест перед предательством. Мы придумали говорить с гримерами, которые готовят исполнителя к сложнейшему драматическому эпизоду, о чем тот обычно рассуждает перед зеркалом. Мы придумали отлавливать массовку в коридоре, чтобы узнавать, кто они такие. Мы болтали с монтировщиками сцены. Мы расспрашивали зрителей о том, как они представляют себе профессию актера, режиссера, художника. Многое такое сочиняли. Нам нравилось говорить о театральной рутине. А еще очень нравилось писать диалоги.

Димка обладал редким чувством юмора! Мог обыграть даже самую серьезную тему. Сделать ее легкой, понятной, забавной. И тотчас исполнить написанное с блеском. Он не был зациклен на себе, как большинство в профессии, у него очень здорово получалось брать интервью. Мог разговорить любого! Так, на официальном открытии Всемирной театральной Олимпиады, где мы были ведущими, Дима вдруг спросил Калягина, будет ли он смотреть спектакли. Мэтр важно кивнул. Сказал: обязательно! «А где билеты брать будете?!» — подшутил в ответ Дима. Калягин рассмеялся, и они устроили блистательную пикировку. Билетов, действительно, было негде взять. Вообще. Так что прав был Димка — только по блату!

Кадр из программы «Не верю». ТВЦ. 1999 г.

Ой! На телике мы были любимыми клоунами. Не владея терминологией, мы придумывали свои дурацкие названия для всякой работы. Все давно позабыла, но «отцифровать подвязки» запомнила, потому что многие подходили к нам и переспрашивали по многу раз, что это мы такое делаем, чтобы потом похотать в сторонке. Ведь Дима в таком случае был крайне серьезен. Как человек, только что получивший звание. Он прямо раздувался от важности. На самом деле, когда режиссер монтажа садится в аппаратную отобрать эпизоды — записать код сцены с видеоленты — называется «кодировать»: отметить минуты и доли секунд материала, который идет в работу. А диалоги или монолог ведущего называется «подводка». То есть когда Дима веско произносил: «Мы отцифровали подвязки», — имелось в виду, что мы занимались тем, что кодировали подводки. Ну и так далее.

Дима готовится встретиться с Африкой. 2001 г.

«Не верю» — была нашим с Димой любимым детищем. Много лет, благодаря этой совместной деятельности, мы провели вместе. И это были чудесные годы! Потом мы ведь даже вместе путешествовали. Для начала дали ралли. «Пушечное ядро». 1640 километров за семнадцать часов. И отрезок дороги Москва-Донецк тогда еще не существовал. Отрыв на финише у нас был пять-десять минут. Но это отдельная история.

Самая запоминающаяся поездка — в Африку. Встречали нас по высшему разряду. По Хэмингуэю — ранние завтраки высоко в горах с видом на Килиманджаро, стрельба из слоновьего дробовика, посещение племен, купания в водопадах, бесконечные перелеты на крошечных самолетах и страшные африканские ночи в палаточном эмпее...

Димка оказался среди серьезных мужчин и с большим любопытством оглядывался. И, конечно же, начались испытания. Ребята вступили на путь конкуренции. Местные хотели доказать, что городской мужчина — уже никакой не мужчина. А Дима настаивал, что в сравнении с этими супергероями он тоже очень даже. Как-то мы брели вдоль устья горной реки к водопаду. Дорога занимала около часа, но если спускаться по скалам на веревках, то полчаса приблизительно. И Дима вызвался исполнить очередной трюк. Я очень за него переживала. Одно дело по веревкам, но по гладкой стене в спортзале, над матом. Совсем другое в дождевом лесу по скалам и почти сто метров. Я успела на финал — он блистательно со всем справился! И это было по-настоящему красиво! Так он заслужил искреннее расположение местных.

Путешествовали мы большой компанией. С нами был и маститый специалист по сценическому бою. И вот однажды вечером, не сговариваясь, эти сумасшедшие устроили целое представление. Со стороны это выглядело так: двое русских из компании вдруг загомонили на своем, потом потолкались. Потом надавали друг другу по мордасам да в придачу тумачков и пендалей. Да так быстро, что никто не успел отреагировать. Впрочем, горе-борцы попадали. А встали — словно очнулись и принялись за историческое фехтование — похватили какие-то палки, зонтики от солнца, и давай! Испанская школа, французская школа... Ну и пару фляков назад, на прощание. Зрители одурели просто! Серьезные чуваки. Суровые. И от бегемотов отбиться могут. И восстание племен на своих землях погасить. И знают, что делать, если леопард в лагерь пришел или лев в палатку заглянул... Один парнишка так впечатлился «боем», что после этого шоу требовал, чтобы Дима с ним только и летал. В его двухместном самолете. И на наших глазах что-то нереальное в небе они устраивали. Парнишка был признанный ас. И он очень старался Диме во всей красе это продемонстрировать. И его учил. Возвращал обычно артиста бледным и молчаливым. Один раз мы — оставшиеся на земле — не сговариваясь, с криками просто ринулись к обрыву глубокого ущелья — такой вираж был исполнен между скалами. Мы думали — все кончено! Обошлось, однако... «Голова при таких делах в потолок только сильно упирается», — так прокомментировал очередной исполненный трюк наш Дима.

Дмитрий Марьянов и Инга Ильм. Рассвет с видом на Килиманджаро. 2001 г.

Он обожал трюки и почти все до единого исполнял в кино сам. Ему каскадерство страшно нравилось. К сожалению, я не помню названия фильма — предмета его особой гордости («Боец» — постановщик трюков Юрий Сысоев), но помню, как он рассказывал, что ему нужно было на съемках исполнять что-то, какой-то почти акробатический

номер, на самом-самом краю обрыва — вот где шик! И он важно выпячивал грудь. И тогда ему было правда страшно. Песок под ногами был очень скользкий: одно неверное движение — и ты на дне ущелья. Мы, кстати, с ним тоже настоящие трюки делали. Как-то под Новый год позвал Дима своего брата — Мишу — редкого специалиста по пиротехнике — и попросил его подвзорвать нам елку на Андреевских прудах. Но для начала самого Димку запалить. Вот такая праздничная телевизионная программа. Было и правда — страшно весело!

А еще три раза в неделю мы бывали с ним за кулисами другого театра. Запомнился ярко один эпизод. Мы снимали балет. И с камерой оказались именно там, куда должна была вбежать солистка после виртуозного фуэте. И пока она совершала свои вращения, мы слышали, как ей тихонько шептали артисты на сцене: «Дыши, Наташенька, дыши!» Я помню, мы тогда переглянулись, и слезы заблестели на наших глазах. После того дня мы в тяжелые моменты жизни друг другу подмигивали и повторяли: «Дыши, Наташенька, дыши!»

Диме было сложно. Он имел очень ясные жизненные принципы. И ведь чем старше становишься, тем труднее придерживаться советов со страниц книг своей юности. Кажется, только Димка уже и верил беззаветно в человеческие отношения. Искренне верил в равенство душ! И получал невероятное количество радости от общения. Очень любил своих друзей. Обожал про них рассказывать. Их показывать — какие они. И все, что он говорил, было прекрасно. Это всегда были истории смешные и трогательные — и всегда про человека, которого он ценит. С его уходом каждый из нас потерял лучшую часть своей юности...

И ведь не только близкие друзья, просто знакомые — многие попадали в круг его внимания. Он мог отказаться даже от роли в кино, если знал, что его сопернику действительно сейчас нужна эта работа. И часто помощь его была незрима, но он всегда думал о ближнем — я много лет наблюдала за этим. Мы имели возможность видеть друг друга в очень разных «предлагаемых обстоятельствах». И Дима единственный и единственный, кто ни разу меня не разочаровал. Никогда. Не было ни одной, даже самой сложной

ситуации со времени нашего знакомства, когда бы он повел себя некрасиво, нечестно... склизко. Не было ни одной ситуации, когда бы он не повел себя благородно. Он был самый настоящий.

Дмитрий Марьянов и девушки из племени масаев. 2001 г.

И да, он был самый настоящий Дон-Жуан. Но и в этом не было ничего подлого, ужасного или отвратительного. Он каждый раз был по-настоящему влюблен, его глаза сияли, его переполняли чувства. Он мог искренне увлечься, да, иногда на два дня. Но это были волшебные дни. Я сама не знала его с этой стороны. Зато он очень помогал мне во всех моих любовных перипетиях. Всегда был готов выслушать и дать дельный совет. Был готов пояснить мне ту или иную линию мужского поведения и подсказать, как действовать. Он был мой Сирано. Потому-то и знаю точно: он не был пресыщенно утончен, как какой-нибудь Казанова. Он был предельно искренен в своих порывах. К тому и призывал. Сам никогда не скупился. И, быть может, оттого мне кажется: ни одна из прекрасных дам не ушла от него обиженной. Он просто действительно любил женщин. Очень хорошо к ним относился! Ко всем. И всякий раз «психиатрический» анализ моих любовей был от него был справедлив. Что и говорить! Он меня замуж выдал.

Дмитрий Марьянов и Инга Ильм. 2001 г.

У нас с ним уговор был: будут спрашивать мой телефон — никому не давать. Как только ко мне обращались за телефончиком, я показывала на Диму и капризно выговаривала: вот у него спросите. Никогда не давал. Никому. Кремьень! И люди разные были. Всякие. Иногда даже жалко было — кого он отшивал! Зато как смешно потом про это рассказывал! Но вот однажды поехал Димка с таким просителем болтать на всю ночь. И в четыре часа утра все-таки дал ему мой номер телефона. Нашел того, кому меня можно было доверить. И я за то уже двадцать лет Диму неустанно благодарю. Он выбрал для меня самого лучшего! Не так давно брела по Риму и вдруг поняла: да он вообще и есть мой самый настоящий друг! Немедленно позвонила ему и ору: «Слышь ты!!! Я все поняла!!! Ты же самый настоящий!!! Ты мой самый настоящий друг!» Я счастлива, что успела сказать ему это.